

Аномия общества изобилия (Ж. Бодрийяр)

Выполнила: Васильева М. А
социология управления, 1 курс, магистратура

Насилие

Общество потребления является в одном и том же плане обществом заботы и обществом репрессии, мирным обществом и обществом насилия.

Проблема насилия заключена в другой сфере — в сфере реального, неконтролируемого насилия, каковое порождают сами изобилие и безопасность, коль скоро достигнут их определенный уровень. Тут речь не об интегрированном, потребленном вместе с остальным насилии, а о насилии неконтролируемом, порожденном благосостоянием в самом его осуществлении. Такое насилие характеризуется (как и потребление в данном нами определении, а не в его поверхностном значении) тем фактом, что оно не имеет *объекта и цели* .

Изобилие имеет, значит, ту двусмысленность, что оно всегда одновременно переживается как эйфорический миф (миф разрешения конфликтных напряжений, миф о счастье по ту сторону истории и морали) и *претерпевается* как процесс более или менее вынужденной адаптации к новым типам поведения, к формам коллективного принуждения и к нормам.

Однако нужно только допустить гипотезу, согласно которой само изобилие является только системой принуждения нового типа, чтобы понять, что этому новому социальному принуждению может соответствовать только новый тип освободительных требований.

В этом случае возможен отказ от «общества потребления» в резкой и геростратовской форме («слепое» разрушение материальных и культурных благ) или в нерезкой форме уклонения (отказ от производительного и потребительского участия). Если бы изобилие было свободой, тогда такое насилие было бы действительно невыносимо. Если изобилие (рост) принудительно, тогда насилие понятно само собой, оно навязывается *логически*.

Подобное насилие коренным образом отлично от того насилия, какое порождают бедность, нехватка, эксплуатация, оно суть проявление в действии негативности желания, негативности пропущенной, скрытой, процензурированной тотальной позитивностью потребности. Эта другая сторона амбивалентности вновь возникает в самой области безмятежной эквивалентности человека и его окружения в процессе удовлетворения.

В противовес императиву производительности-потребительства появляется *деструктивность* (побуждение к смерти), для которой не могло бы существовать бюрократических структур и удовлетворения, потому что тогда они вошли бы в процесс планируемого удовлетворения, а значит, в систему позитивных институтов.

Однако так же как существуют модели потребления, общество порождает или устанавливает «модели насилия», с помощью которых оно стремится выкачать, проконтролировать и передать средствам массовой информации эти внезапно появившиеся силы.

Чтобы помешать превращению этого потенциала аккумулированного в результате *разлома амбивалентной сущности желания и утраты символической функции*, в аномическое и неконтролируемое насилие, общество действует на двух уровнях.

1. С одной стороны, оно стремится устранить тоску умножением органов заботы: будь то роли, функции, бесчисленные коллективные услуги — повсюду вводят смягчающую, улыбающуюся, снимающую вину психологическую смазку, ферменты, пожирающие тоску. Продают также транквилизаторы, релаксаторы, галлюциногенные средства. Это безысходная задача, с целью ее решения *общество изобилия*, производитель бесконечного удовлетворения, *истощает свои ресурсы в производстве противоядия к тоске*, рожденной этим удовлетворением. Все более весомый бюджет идет на утешение спасенных изобилием в их тоскливом удовлетворении.

2. Общество может пытаться использовать эту тоску как фактор оживления потребления или использовать, в свою очередь, виновность и насилие как товар, как потребляемые блага или как отличительный культурный знак. Тогда появляется интеллектуальная роскошь виновности, виновность как характеристика некоторых групп. Насилие и виновность оказываются опосредованы культурными *моделями* и поэтому ведут к потребленному насилию.

Эти два механизма регуляции действуют мощно, но они, однако, не в состоянии обезвредить негативный процесс перевертывания, разрушительного превращения изобилия в насилие.

Нужно видеть, что насилие структурно связано с изобилием. Вот почему оно необходимо, всегда неизбежно и так соблазнительно для всех, хотя бы они того или нет, потому что оно укоренено в самом процессе роста и увеличенного потребления, в которое теперь включен каждый.

Время от времени внутри нашей замкнутой вселенной насилия и потребленного душевного спокойствия появляется новое насилие, которое *на виду у всех* вновь берет на себя часть утраченной символической функции, причем очень ненадолго, прежде чем самому превратиться в объект потребления.

Субкультура ненасилия

Близкими к этим феноменам насилия нового типа являются современные феномены ненасилия. От ЛСД к flower-power, от галлюцинации к хиппи, от дзен к поп-музыке — все они имеют общее: отказ от социализации через уровень жизни и принцип дохода, отказ от всей этой современной литургии изобилия, социального успеха и гаджета.

Является ли отказ насильственным или нет, он всегда оказывается отказом от активизма общества роста, от ускорения темпов благосостояния как новой репрессивной системы. В этом смысле насилие и ненасилие, как и все аномические феномены, хорошо выполняют роль разоблачителя. Общество, которое хочет видеть себя и видит гиперактивным и умиротворенным благодаря битникам и рокерам, с одной стороны, хиппи — с другой, раскрывается, напротив, в своих глубинных характеристиках как общество *пассивности и насилия*. Одни овладевают скрытым насилием этого общества, чтобы повернуть его против него, углубляя его до пароксизма. Другие углубляют скрытую пассивность, управляющую этим обществом, углубляют вплоть до практики отказа и полной асоциальности, заставляя его, таким образом, отрицать самих себя в соответствии со своей собственной логикой.

Быть «хиппи» — значит прежде всего быть другом человека. Кем-то, кто пытается смотреть на мир новыми глазами, вне иерархии: сторонником ненасилия, исполненным почтения и любви к жизни. Кем-то, кто имеет настоящие ценности и подлинные критерии, кто ценит свободу выше власти, творчество выше производства, кооперацию, а не соперничество.

Хиппи немедленно стали предметом разговоров в западном обществе. Падкое до примитивных систем общество потребления немедленно их использовало в своём фольклоре как странную и безобидную флору. Но не являются ли они в конечном счёте с социологической точки зрения только предметом роскоши богатых обществ? Не являются ли они также с их ориенталистской духовностью, с их раскрашенной психоделией маргиналами, которые только усиливают некоторые черты своего общества?

Их появление обусловлено фундаментальными механизмами этого общества. Их асоциальность имеет общинный, родовой характер. Можно вспомнить в этом отношении «трайбализм» Мак-луена, возрождение в планетарном масштабе в условиях существования средств массовой информации словесного, тактильного, музыкального способов коммуникации, которые были характерны для архаических культур до визуальной и типографской эры книги.

Они выступают за уничтожение конкуренции, системы обороны и функций Я; но при этом они только переводят, используя более или менее мистические термины.

Манера трогательной, искренней прозрачности, отличающая хиппи, имеет связь с императивом искренности, открытости, «теплоты», отличающих peer group.

Человек, преследуемый современным обществом и навязчивостью уровня жизни, празднует у хиппи своё *сентиментальное возрождение*, при этом в их группах продолжают существовать за видимостью всеобщей аномии доминирующие структурные черты принудительного общества.

Усталость

Подобно тому как существует мировая проблема голода, сейчас существует мировая проблема усталости. Парадоксально, что они исключают друг друга: хроническая неконтролируемая усталость вместе с неконтролируемым насилием составляет удел богатых обществ и является результатом преодоления голода и хронической нехватки, остающихся главной проблемой доиндустриальных обществ.

Усталость как коллективный синдром постиндустриальных обществ принадлежит , к области глубоких аномалий, «дисфункций» благосостояния. Будучи «новым злом века», она даёт повод для общего анализа этой и других форм аномических явлений, обострение которых отличает нашу эпоху, когда всё должно бы способствовать их устранению.

Как новое насилие не имеет «цели», так и эта усталость не имеет «причины». Она не имеет ничего общего с мускульной и энергетической усталостью. Она происходит не от расходования душевных сил. Говорят, конечно не думая, о «расходе нервной энергии», о «депрессивности» и психосоматическом превращении.

Такой тип объяснения составляет теперь часть массовой культуры: он присутствует во всех газетах. Каждый может сослаться на него как на новую очевидность, представить себя с мрачным удовольствием загнанным по причине нервов. На самом деле эта усталость означает, по крайней мере, одну вещь: общество, которое представляет и видит себя всегда в состоянии прогресса, направленного на уничтожение насилия, разрешение напряжений, на обеспечение всё большей лёгкости и автоматизма, является фактически обществом стресса, напряжения, допинга, в котором общий баланс удовлетворения указывает на всё больший дефицит, при котором индивидуальное и коллективное равновесие оказывается всё более скомпрометировано в той самой мере, в какой множатся технические условия его реализации.

Вместо того чтобы уравнивать шансы и умиротворять социальное соперничество, процесс потребления делает конкуренцию более сильной и острой во всех её формах. С потреблением мы оказываемся в обществе распространившейся, *тотальной* конкуренции, которая действует на всех уровнях — на экономическом, на уровне знания, желания, тела, знаков и импульсов; все вещи отныне *производятся* как меновые ценности в непрерывном процессе дифференциации и сверхдифференциации.

Можно допустить также, что, вместо того чтобы, как претендует общество, расположить по порядку «стремления, потребности и удовлетворения», общество создаёт все более растущие нарушения равновесия как у индивидов, так и у целых социальных категорий, охваченных императивом конкуренции и восходящей социальной мобильности. Под давлением стольких противоположных принуждений индивид утрачивает единство.

Социальное неравенство добавляется к внутреннему разрыву между потребностями и стремлениями, делая это общество все более несогласованным, дезинтегрированным, «больным». Усталость (или «астения») может тогда интерпретироваться как ответ в форме пассивного отказа со стороны современного человека на описанные условия существования. Но нужно хорошо видеть, что этот «пассивный отказ» является фактически *скрытым насилием* и что в этом качестве он является только одним из возможных ответов, другие формы которых представляют собой *открытое насилие*.

Усталость, депрессивность, невроз всегда могут превратиться в открытое насилие и наоборот. Усталость гражданина постиндустриального общества недалеко от скрытой забастовки, от торможения, от «slowing down» рабочих на заводе или от школьной «скуки».

Фактически нужно перевернуть все условия непосредственного видения: усталость не является пассивностью, противостоящей внешней социальной сверхактивности, — она, напротив, *единственная форма активности*, противостоящая в некоторых условиях принуждению к общей пассивности, присущему современным общественным отношениям.

Политическая «индифферентность» представляет собой индифферентность индивида, от которого ускользает всякое решение, так как в современных обществах сохраняется только насмешка над всеобщим избирательным правом. И верно замечено, что это происходит также вследствие физической и психической монотонности конвейерного труда и труда в бюро, в результате мускульной, сосудистой, психологической каталепсии, вынужденного стоячего или сидячего положения, стереотипных жестов, всей инерции и хронической недогрузки тела в нашем обществе.

Усталость — это скрытый протест, который оборачивается против себя и воплощается в собственном теле, потому что в некоторых условиях это единственное, на что безвластный индивид может свалить вину.

Чтобы понять смысл усталости, нужно вынести её за рамки психосоциологических интерпретаций и поместить в общую систему депрессивных состояний. Бессонница, мигрень, головная боль, патологическое ожирение или потеря аппетита, вялость или непреодолимая гиперактивность — формально разные или противоположные симптомы — могут в действительности обмениваться, заменять друг друга: соматическое «превращение» всегда сопровождается, даже определяется потенциальной «обратимостью» всех симптомов.

Однако — и это главное — логика депрессивности (а именно то обстоятельство, что, не будучи более связаны с органическими заболеваниями или с реальными дисфункциями, симптомы «болтаются») повторяет саму логику потребления (где потребности и удовлетворения, не будучи связаны с объективной функцией предметов, сменяют друг друга, отсылают друг к другу, заменяют друг друга в функции фундаментального неудовлетворения). Один и тот же неуловимый, безграничный характер, одна и та же систематическая обратимость управляет потоком потребностей и «текучестью» депрессивных симптомов.

Все процессы в наших обществах происходят в направлении деконструкции, разъединения амбивалентности желания. Представленное в целом в наслаждении и в символической функции, она разрушается в двух направлениях, но в соответствии с одной и той же логикой: вся позитивность желания входит в цепь потребностей и удовлетворений, где она разделяется на части в соответствии с управляемой финальностью, а вся негативность желания переходит в неконтролируемую соматизацию или в acting out насилия.

Так проясняется глубокое единство всего процесса: никакая другая гипотеза не может учесть этого множества разнородных феноменов (изобилия, насилия, эйфории, депрессии), которые характеризуют в целом «общество потребления» и которые все необходимо связаны, хотя их логика остаётся необъяснимой в пределах классической антропологии.

Нужно развить анализ далее:

1. Проанализировать потребление как глобальный процесс «конверсии», то есть «символического» трансферта нехватки в длинную цепь знаков (объектов, в которые потребитель вкладывается последовательно, как в отдельные объекты).
2. Распространить теорию отдельного объекта на процессы соматизации, где также происходит символический трансферт и поочерёдное вложение, при этом следует опираться на теорию тела и его статус объекта, который оно имеет в современных обществах. Мы видели, что тема тела главная в теории потребления, — тело предстаёт как соединение всех амбивалентных процессов: оно одновременно нарциссически избрано как объект эротизированной заботы и «соматически» превращено в объект тревоги и агрессивности.

Знаменательно, что депрессия расцветает там, где прекращаются принуждения к труду и где начинается время удовлетворения.

Как насилие может пригодиться для домашнего употребления с целью прославления безопасности, так усталость как невроз может вновь стать отличительной культурной чертой. Тогда именно начинает играть роль весь ритуал усталости и удовлетворения, преимущественно это происходит у образованных и привилегированных.

На этой стадии усталость не является совсем анемичной, и ничто не имеет значения для этой «принуждённой» усталости: она оказывается «потреблённой» усталостью и возвращается в общественный ритуал обмена или уровня жизни.